5-й ГОД ИЗДАНИЯ
№ 19
ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ
МАЙ
МОСКВА, Тверская, 8 ● Телефон редакции 3-43-56
1927 ГОД

НЕБО И ЗЕМЛЯ

Рис. Ю. Ганфа

„ПРЕДОСТАВИМ НЕБО ПТИЦАМ, А САМИ ОБРАТИМСЯ К ЗЕМЛЕ".

Бебель.

— Мы же любезно предоставляем птицам землю. А небо нам самим пригодится!..

ПОСЛЕ ШВЕЙЦАРСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ

Рис. Б. Малаховского

— А сыр у вас не сухой?

— Наоборот! Швейцарский, настоящий! Особенно много слезы пущает. Должно, с радости, что опять на русский рынок попал...

ЗАРАБОТОК ПРЕДАТЕЛЕЙ

ЗАРАБОТОК предателей рос и развивался вместе с ростом и развитием буржуазного государственного строя.

От Иуды до Чан-Кай-Ши заработок предателей возрос до колоссальных размеров.

Сам Иуда до сих пор слишком переоценен. Он был даже не предатель—профессионал, подобно своему последнему коллеге—Чан-Кай-Ши, а скорее он был в этом деле кустарь-одиночка.

Да и все тут было кустарное: и сам „учитель“ с его кустарным „учением“ с руки, и наивные „кустарные чудеса“ и легенды: (о непорочном зачатии, об искушениях дьявола и т. д.), кустарным образом сколоченные из легенд об египетской богоматери Изиде и о Будде.

Предательство Иуды носило даже характер хозяйственный, если судить по евангельским сведениям. Не хотелось ему предавать и не думал он предавать, но виноградник ему приглянулся в окрестностях Ерусалима, а за виноградник просили 30 серебренников, а такие деньги где взять честному апостолу? Иуда, как известно, был тринадцатый апостол у Христа. И подумал он:

— Сыну божьему умереть—наплевать! Сегодня умер, а завтра воскрес. Виноградник же есть вещь.

Дальнейшее показывает, что предатель он был случайный и совсем не закоренелый. Предал, а потом совесть заэрила, и он повесился.

▼

ЧАН-КАЙ-ШИ уж этого не сделает—сам не повесится. Это уже придется сделать другим.

Предатели и после иудиного времени уже действовали более планомерно, чем Иуда Искариот, и добились лучшей оплаты за предательство.

Рамзай Макдональд, например, получил уже не 30 серебренников, а 300 тысяч рублей от бисквитного короля Александра Гранта и еще плюс автомобиль. Деньги ему были вручены акциями бисквитного завода.

Правда, он предал не одного человека, как Иуда, а несколько миллионов рабочих, все-таки плата приличная. Кроме того, неизвестно еще поскольку он получил от других „королей“ капитала.

▼

РУССКИЕ предатели до 17 года были скромнее Макдональда, но и далеко оставили за собой Иуду.

Самая крупная сумма, взятая Гапоном у вождей русской охранки, была, кажется, не больше 30 тысяч.

Азеф стоил немного больше, но тоже не на очень много.

Начиная с февраля 1917 года, предательство оплачивалось очень широко.

Керенский, Милюков, Гучков, Родзянко, юнкерское восстание, Корнилов, Каледин, Краснов, а потом Деникин, Колчак, Иуденич, Врангель и десятки других предателей влетели господину Капиталу в порядочную копейку.

За границей образовались даже артели предателей. Артель меньшевиков. Артель эсеров. Артель монархистов.

Большинство из них, как маленькие притоки составляют одну большую реку, также составили один большой фарватер—Желтый Интернационал.

Он стал сердцем предательства. Он принимал заказы на разные страны. Приходили заказчики, как в бюро, и заказывали:

— Требуется срочное предательство в такой-то стране. Сколько?

Желтый Интернационал в свою очередь задавал вопрос:

— На сколько тысяч пролетариев?

И, получив ответ, устанавливал плату. Он же и расценивал „труд“ предателя в отдельности и по справедливой оценке.

За последнее время он стал настоящей конторой для найма предателей. Редко, кто из буржуазных правительств обходились без его услуг. Редкий предатель работал без ведома Желтого Интернационала.

Ставки были большие. Желтый Интернационал далеко ушел в смысле гонорара за предательство от Иуды.

Но все-таки самый большой рекорд установил генерал Чан-Кай-Ши. По сведениям из Нью-Иорка, незадолго до последних шанхайских событий китайские банкиры и купцы внесли Чан-Кай-Ши 15 миллионов долларов „для подавления коммунистов и рабочих“.

В Нью-Иорке знают, где, кто и сколько получил за предательство. Там в этом отношении не ошибутся, в особенности, в цифре.

Чан-Кай-Ши оставил далеко за собой всех бывших до него предателей одиночек и по справедливости может быть сейчас назван Мировым Чемпионом Предательства.

Впрочем, может быть, и он здесь действовал не один. Может быть, и за его спиной стоит контора по найму и рекомендации предателей—Желтый Интернационал.

Н. ПЕРЕКАТОВ

ЗАПАЛЬЧИВАЯ СТАРУШКА

Рис. Б. Малаховского

— Ах, батюшки! Никак люди на пожар бегут! Дай-кось и я побегу!

ОПРОВЕРЖЕНИЕ

В СЛОВАРЯХ Брокгауза и Граната это слово отсутствует совершенно. Но там приведено словесно-логическое построение, в котором заключена мудрость народа: „во первых, горшка я не брала вовсе, во вторых, вернула его безусловно целым, в третьих, же он был разбит уже до того, как мне его дали". По словам очевидцев, эта, как говорится, концепция и должна была в названных изданиях заменить собой популярное толкование слова „опровержение".

В Большой же Советской Энциклопедии оно, по слухам, определяется, как „сообщение, или положение, которое отнюдь не следует принимать на веру, но необходимо подвергнуть тщательному анализу и критическому изучению; в этом последнем случае, как утверждал еще небезызвестный баснописец Крылов, из кучи навозной шелухи удается извлечь иногда микроскопическое жемчужное зерно истины".

Подвергнув опровержения анализу и изучению, мы можем установить несколько основных их разновидностей, обычно неизменных и лишь незначительно варьируемых в узких рамках канцелярской фантазии.

Возьмем, к примеру, такой простейший, опубликованный в печати факт, что уездный работник Иванов, в пьяном виде пытаясь переехать железнодорожное полотно у станции и будки, задержан опущенным на переезде шлагбаумом, избил и изругал сторожа, отказавшегося до прохода поезда поднять перед ним рогатку.

Опровержения, неизбежно поступающие в таком случае от Иванова и его начальства, бывают, как правило, четырех родов.

Род первый. Автор, несомненно, был введен в заблуждение, и очень жаль, что газета публикует порочащие местных работников сведения, не проверив предварительно клеветнической информации. Тов. Иванов, глубокий пролетарий и член профсоюза с 1917 года, не мог переезжать в тот вечер полотно у станции, потому что днем был занят докладом о первомайском празднике в клубе работников игры и леса. Его все время сопровождало лицо, словам которого нет оснований не доверять, и которое утверждает, что т. Иванов был не пьян, но выпил всего четыре бутылки пива, почему не избил, а, напротив, лишь отстранил проявившего крайнюю медлительность, сторожа Кузьмичева, со стороны которого и последовала невозможная брань. На эту брань ответить что-либо т. Иванов безусловно не мог, находясь в крайне болезненном и не оставляющем возможности для каких бы то ни было разговоров состоянии. Таким образом заметка ни в какой мере не отвечает действительности, о чем просьба пропустить в текущем номере газетки.

Род второй. Автор несомненно был введен в заблуждение, и очень жаль, что... и т. д. Человек, избитый Ивановым, был вовсе не шлагбаумный сторож Кузьмичев, как необоснованно сказано в заметке, а бригадный кондуктор Иевлев, случайно проходивший в это время через переезд. Нельзя соваться в воду, не зная броду, и бухать в колокол, не посмотрев в святцы. Не довольно ли газетным писакам дискредитировать рабоче-крестьянскую власть и наши достижения? Кто он, безответственный автор, чем занимались его родители до февральской революции, и почем ему платят, если не секрет, в уважаемой газете за каждую его грязную строку?

Род третий. Автор, несомненно, был введен в заблуждение и т. д. и т. д. Ибо из сказанного можно, казалось бы, заключить, что проблема переправы через ж.-д. пути идущих и едущих граждан района далека еще от разрешения в духе общего социалистического переустройства народного хозяйства освободившейся от всякого рабства и гнета царизма страны. Между тем, вопрос о переезде и переходе граждан через названные дороги, неоднократно бывший уже предметом тщательного изучения и обсуждения в планирующих и иных органах и учреждениях,—совсем недавно, окончательно подработанный, увязанный и согласованный, получил блестящее оформление в том кон'юнктурном пятилетнем плане промышленного и административного развития района, который (план) неизвестно почему и подвергся столь необоснованной и резкой критике со стороны укрывшегося под псевдонимом „Гусиное перо" автора заметки. Не желая быть голословными, позволим себе ниже в нескольких словах ознакомить редакцию и читателей с этим планом, снискавшим, кстати сказать, полное одобрение высших инстанций, из которого (плана) вытекает с несомненностью... и т. д.

Род четвертый. Здесь коротко и вполне исчерпывающе сообщается лишь, что рабкор „Гусиное перо" — мерзавец, такие же были и мать его и отец, а тетка у него бежала с архитектором. О нем имеются секретные материалы в местных следственных органах. По слухам, сочувствовал эсеровской партии в 1904 году и посейчас печет куличи к пасхе. Редакции следовало бы более тщательно подбирать корреспондентов в уездах, увязывая этот вопрос с местными органами.

Вне зависимости от рода опровержения, его можно либо бросить в корзинку, либо, что более педагогично, сообщить опровергающему, что оно будет помещено с комментариями от редакции. В этом случае от опровергающего незамедлительно является запыхавшийся курьер с просьбой вернуть бумажку для переделки. Больше в редакцию она, обычно, не поступает.

А. ЗОРИЧ.

ПОКРОВИТЕЛЬ ПЕЧАТИ

Рис. Н. Радлова

— Мы тоже за красную печать!..

РАССКАЗ ОБ ОДНОМ СОЛНЦЕ

Когда начальник входил в статистический отдел, Козлодоеву казалось, что затхлая и унылая, как перелицованные штаны, канцелярская комната светлеет, становится огромной и ослепительно зеркальной. Козлодоев низко склонялся к своим таблицам и усердно скрипел пером, боясь взглянуть в сторону солнечного начальника, боясь вздохнуть или, упаси бог, чихнуть.

На самом же деле начальник походил на солнце столько же, сколько окурок махорочной цигарки походит на кровного рысака или пустая баночка от гуталина на Румянцевский музей.

Начальник был довольно паршивеньким желчным мужчиной лет сорока с преждевременными мешечками под глазами, с табачными усами и зловредным пятнистым носом. Так начальника и называли в управлении—Нос.

„Тише, Нос идет!" или — „Идите, доложите Носу, как он скажет".

Короче говоря — Козлодоев был типичным подхалимом-середнячком, и каким бы ни был его начальник—толстым, как графинчик с водкой, или худым, как старый уличный кот,— Козлодоеву он всегда казался сияющим и бестелесным.

— Товарищ Козлодоев,—дразнили сослуживцы,—идите скорее. Нос зовет.

Козлодоев бледнел и начинал мелко дрожать.

— Врете вы, товарищи,—говорил он, чувствуя, что его душа покидает теплое насиженное местечко между печенью и желудком и в панике перебирается в холодную и неуютную пятку,—врете вы. Нос даже не знает о моем существовании.

— Вот вам и не знает. Позвал только что начканца и как гаркнет: „Позвать сюда Козлодоева", что начканц с перепугу стал подмигивать глазом.

— Не может этого быть!—шептал Козлодоев трясущимися губами.

— Ну, ну, пошутили. Экий вы какой... Уже и перепугался.

▼

Однажды в прескверный дождливый вечер Козлодоев пошел в театр. Весь первый акт он просидел, приятно улыбаясь, в амфитеатре, а в антракте пошел покурить и увидел в курительной комнате начальника. Нос мыкался из угла в угол и курил папиросу.

„Курит",—подумал Козлодоев с молитвенным ужасом,—„ей-богу, курит. Папиросу".

Козлодоев привычно задрожал, отошел в сторонку и с умилением принялся наблюдать за действиями Носа. Нос стал проталкиваться к урне.

— Позвольте пройти,—сказал он какому-то высокому молодому человеку.

„Ай-яй-яй!"—ахнул Козлодоев,—„у молокососа пройти просит".

— Толкаются тут всякие! — недружелюбно сказал юноша, глядя на Носа сверху вниз,—не видите, гражданин, дама стоит, а вы прете, как на пожар!..

Козлодоев покачнулся, вдвинул голову в плечи и зажмурился. Сердце его усиленно забилось Он не сомневался, что несколько ближайших секунд принесут грубому молодцу гибель, что весь театр бросится сейчас вот на юношу и растопчет его в порошок, а Нос будет стоять, заложив руку за борт ослепительного пиджака и тихо говорить: „Не убивайте этого наглого отрока до смерти. Он еще молод и заслуживает снисхождения".

Козлодоев открыл глаза.

Нос стоял возле молодого человека.

— Извините,—сказал Нос, — мне только окурочек бросить.

— То-то,—снисходительно ответил юноша,—окурочек, окурочек, а сам толкается.

— Пардон-с. Не заметил.

— То-то, не заметил.

Нос подобострастно улыбнулся, бросил окурок и пошел в зал. Козлодоев, осторожно пробираясь в толпе, последовал за ним.

„Боже, боже", — думал Козлодоев, глядя, как Носу наступают на ноги и не обращают на него ни малейшего внимания,—„что случилось? Что произошло?"

Весь спектакль Козлодоев томился, будучи не в силах постигнуть причины столь низкого падения радужного начальника.

Как только занавес начал опускаться, зрители, аплодируя на ходу и огрызаясь друг на друга, бросились к выходу. Пьеса была забыта. Все были обуреваемы одним неистовым желанием—достать калоши.

Маленький плюгавый Нос в изгибе лестницы попал в водоворот и был притиснут к стене.

— Проходите!—рычали Носу.

— Стал, как истукан, и стоит!..

— Эй вы! Не крутитесь под ногами!.. Ч-чорт!..

Когда растерзанный и багровый Нос пробился к вешалке, его ожидали еще большие мучения. Развевающиеся полы пальто хлопали его по лицу, грязные калоши плавно скользили по уху, а публика обливала его обильными потоками грязных циничных ругательств.

Козлодоев потерял способность соображать Он не замечал, что ему самому наступают на ноги, мажут калошами по лицу и ругают на чем свет стоит. Он понимал лишь, что произошло нечто страшное, неожиданное, чудовищное. Начальник перестал озарять собою окружающее, потерял свой блеск. Сияющий, ослепительный Нос померк.

„Что случилось?" — мучительно думал Козлодоев,—„В чем дело?"—И не находил ответа.

Всю ночь Козлодоев не сомкнул глаз. А когда серый, как статистическая таблица, рассвет заглянул в его комнату, он понял. Конечно, Нос снят с должности и уже больше не начальник, а самый обыкновенный, глубоко смертный гражданин. И как это он сразу не сообразил. Ведь это же просто и ясно, как восьмой разряд тарифной сетки.

— Ура! — закричал Козлодоев жене, — Носа сняли! Ур-ра!

Козлодоев, немытый и нечесанный, побежал на службу.

„Ага",—ехидно подумал он, видя, как начальник с портфелем входит в вестибюль, — „дела пришел сдавать, голубчик!"

— Товарищи!—воскликнул Козлодоев, вбегая в канцелярию,—Носа сняли! Дела сдает! Ей-богу!..

— Ну что вы такое мелете, Козлодоев?—сказал осторожный начканц, — ну кто вам сказал, что *его* сняли?

— Будьте уверены!—хихикнул Козлодоев.

Козлодоева тесно обступили сослуживцы. Козлодоев из скромного регистратора сразу же превратился в героя дня.

— Сняли, сняли, — небрежно говорил он, — дела пришел сдавать наш Носище. Уж будьте покойнички. Раз Козлодоев говорит—дело верное. То-то я вижу, что на нашего Носеныша никто внимания не обращает! А его-то и сняли, хе-хе-хе... Я, знаете ли, сам ему на ногу наступил и выругал его хорошенько... Верное слово. Где Нос? Ау!

По толпе служащих пробежал гул недоверия.

— Врете вы, Козлодоев, — плачущим голосом сказал начканц,—не наступили вы *ему* на ногу. Быть этого не может!

Козлодоев презрительно посмотрел на начканца.

— Это я-то? Не наступил? Ха-ха! Хорошо же...

Козлодоев небрежно оглядел присутствующих.

— Хорошо же... Идите все в коридор и смотрите, как я наступлю Носу на ногу, а он еще сам извинится, а я еще сам его выругаю хорошенько.

В коридор вышли всем отделом и стали ждать.

Через пять минут дверь начальникова кабинета растворилась, и в коридоре показался Нос.

Служащие вытолкнули Козлодоева вперед и замерли у стен. Козлодоев нервно кашлянул и пошел навстречу начальнику. Нос шел быстро, рассеянно поглядывая по сторонам.

„А вдруг я ошибся?" — подумал Козлодоев, поровнявшись с Носом и покрываясь холодным бисерным потом,—„а вдруг его не сняли?"

Но отступать было уже поздно.

„Эх! Была не была!" — решил Козлодоев и тут же наступил начальнику на ногу.

— Виноват!—пискнул Нос, отскочив в сторону.

— Толкаются тут всякие!—пробормотал Козлодоев.

— Простите,—промолвил Нос, глядя на Козлодоева в упор,—не заметил.

Козлодоев победно улыбнулся.

— То-то,—сказал он громко,—не за-ме-тил!.. Надо замечать! И вообще вы ничего не замечаете. В учреждении творятся безобразия!.. Грязь!.. Секретарь пьянствует!.. А он, изволите ли видеть, не заметил!..

И Козлодоев медленно пошел дальше.

Триумф Козлодоева был шумный и заслуженный. Козлодоеву удивлялись. Козлодоевым восхищались. Перед Козлодоевым заискивали. Даже скептически настроенный начканц поверил, что Носа сняли.

Однако, ничто не вечно под луной, под этой планетишкой, питающейся, как известно, чужим светом.

К концу дня в канцелярию вошел взволнованный начканц.

ВОСТОК И ЗАПАД

Рис. А. Радакова

— Эта чадра мне уже не нужна для лица, но тебе она еще пригодится—для ног.

— Товарищи!—сказал он,—начальника вовсе не сняли. У меня есть точные сведения. Ответственный секретарь даже удивился, кто мог распустить эти дурацкие слухи. Ну-с, дорогой Козлодоев...

Все взоры обратились к Козлодоеву.

— Ну-с, Козлодоев? Что вы, Козлодоев, на это ска...

Начканц не кончил. В комнату, как вихрь, влетела курьерша и выпалила:

— Товарищ Козлодоев! Не иначе как вас начальник требует. Говорит, позови мне, говорит, такого высокого, худого, рыжего, говорит, в очках. Не знаю, говорит, как его фамилия... А кроме вас, товарищ Козлодоев, других рыжих нету. Скоренько идите, потому они сердятся...

Как Козлодоев дошел до кабинета начальника, он не помнил. Перед его глазами клубился осенний туман. В животе сделалось холодно, как в склепе.

— Ах, это вы, — сказал начальник, пронзительно глядя на Козлодоева, — как ваша фамилия?.. Что?.. Как?.. Каз... Козлодыбов... Ага... вы какую должность занимаете? Регистратор? По восьмому разряду?.. Так вот, товарищ Козлодыбов, у нас с сегодняшнего дня освобождается должность технического секретаря. Я предлагаю вам ее занять. Разряд четырнадцатый. С нагрузкой. Надеюсь, согласны? Что?.. Ну, отлично. Идите и приступайте к работе.

Когда Козлодоев вышел, начальник закурил папиросу и мечтательно откинулся на спинку кресла.

— Как приятно, — промолвил он, — видеть в своем учреждении сотрудников, которым не чуждо чувство здоровой, хотя и резкой критики. Как приятно иметь сотрудника смелого, самостоятельного и далекого от подхалимства и угодничества.

ЕВГЕНИЙ ПЕТРОВ

РАЗМИНУЛИСЬ...

Рис. Н. Радлова

— Где же это, малый, ваши кооператоры?
— А это они, тетенька, должно все пошли навстречу потребителю.

НАУКА И ЖИЗНЬ

— Чем занимаешься?
— Спортом...
— А твой брат?
— Изобретатель.
— А сестра?
— Поэтесса.
— А отец?
— С утра до вечера, чтоб мы с голодухи не свалились, в слесарях работает!

ЧАСТНАЯ ТОЧКА ЗРЕНИЯ

— Да ведь вашему товару четвертак красная цена!
— Красная цена-с нас не касается, мы частники-с.

РЕДКОЕ ЯВЛЕНИЕ

(В близком будущем)

— Чего это народ собравшись?
— Смотрят на артиста.
— Заслуженного?
— Вот, действительно, редкость! Именно на не заслуженного!..

ШУСТРЫЙ УЧЕНИК

— Скажите что-нибудь антирелигиозное.
— Соловецкий монастырь.

НЕ ПОСЛЕДНЕЕ

— Отец-дьякон, в нашем селе назначено испытание тракторов.
— О, господи, еще одно испытание!

ОБЫВАТЕЛЬСКОЕ

— Не понимаю этих коммунистов—утром заняты, днем заняты, вечером заняты, ночью заняты! Когда это они социализм успевают строить?

НА КУЛЬТУРНОМ УРОВНЕ

— У вас, кажется, читатели бережно относятся к книге?
— А что?
— Да ни одна книга не разрезана.

АКТЕР В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ

— Пожалуйте ветчинки-с! Любительская!
— Терпеть не могу любительской: нет ли у вас профессиональной?

УДАЧНАЯ ВЫЕМКА

Рис. Б. Антоновского

— Ну, что,—нашли уличающие большевиков документы?
— О... масса бумаг и все—большой государственной ценности!

РЕФОРМАТОР

Вот вы говорите—прогулы? Нехорошо, мол, это, вредно для госвласти и вопреки тезисам к международному дню прогульщика. Очень может быть, гражданин. Критикословить не стану. Прогулы, опять же всякие бюрократизмы, канцелярские волокиты и прочая борьба за качество халатности,—конечно, это та гидра контрреволюции, что подымает голову.

Но, с другой стороны, почему же не ценят, ежели кто реформатор в роде английского рудокопа Мартына Лютера или там какого-нибудь Микель-Анджело, не понимаю. Будем прямо говорить: нет нужного подхода к нашему брату-реформатору.

О себе говорить не буду. Должность у меня по восьмому разряду: всего я подшивальщик бумаг в нашем финотделе и реформы во всесоюзном или, скажем, в окружном масштабе произвести не могу.

Но вот вам факт на лице! На лице знаменитого реформиста, нашего уважаемого заведующего - товарища Абцуцкого, который пострадал, можно сказать, за идеологический подход и невыдержанность предержащей власти в нашем РКИ. Очень просто! И вышло все из-за ревизии.

Между прочим, с начала операционного года это уже двадцать девятая ревизия приезжает, все борьбу с бюрократизмом и бумажной перепиской ведут. И чем больше борются, тем больше бумаг приходится писать.

Мне что?—Я подшиваю... Которым писать,—им еще тоже с пол-беды. И которым читать—тоже не трудно, потому как этих сведений и отчетов все равно никто не читает. А вот, которым платить приходится, так те здорово скребут за ухом.

Так к чему я это?.. Да, вот. Приезжают к нам в финотдел, а зав наш так и прыгает по учреждению, так и вьется около ревизора.

— Я,—говорит—знаю, как бороться с канцелярщиной. Я прогремлю в мировом масштабе, несмотря на то, что в уезде работаю. Жанна д'Арк,—говорит—из Жиронды была и минимум на всю планетную систему прославилась!

Так и чешет, так и чешет! И все из политграмоты. Сразу видно, который человек по 17-му разряду ответственных работников получает с нагрузкой.

— Вот,—говорит—здесь была приемная для посетителей. Теперь нет ее: уничтожили приемную. И чрез это окончательно изжили очереди,—негде ожидать посетителям. На улице ежели толпятся, так это нас не касаемо, потому, может-быть, они на улице лунное затмение смотрят или очередь на мануфактуру стерегут? Но в учреждении,—никаких очередей. Простое средство, а действительное!

Водит таким манером товарищ Абцуцкий комиссию по учреждению, хвастать не любит, но достижения на все 100% показывает. Опять же возьмем переписку, волокиту.

— У меня,—говорит—каждая бумага на 10 копиях пишется. На всякий случай, ежели кому понадобится, чтобы еще раз не искать. Потому что все шкапы уничтожены, а бумаги в погребе так и лежат навалом. Ежели что найти, конечно, нельзя, но тем лучше. Так и не ищут. А посетители без справок обходятся. Приучились. Нам экономия времени и им!

И, вправду, насчет экономии у нас строго: сотрудникам запрещено разговаривать между собой. Даешь служебную записку, а не то телефонограмму! Только и слышишь по телефону:

— Дайте бухгалтерию!.. Маруся, пойдешь на вечер совработников? Конкурс будет на самую лысую ножку и за самую маленькую голову!

— Алло! Общий отдел?.. Иван Иванович, вы обещали мне новые обои сделать. Комната моя, говорите, мрачная.

— Примите телефонограмму из Совнархоза...

— Некогда. Видите, по делу разговариваем.

Ну, и так и далее. Реформа полная,—дальше некуда податься?

— Я,—об'ясняет тов. Абцуцкий,—уборщицу сократил, курьершу сократил, разносчицу чая, эту, что чернила наливала, да ту еще...

— Людей-то,—наседает ревизор,—сколько сократили?

— Да чего там, людей?—обиделся товарищ Абцуцкий.—Людей-то, может, одного человека, но должностей-то сколько?!

— Маловато,— говорит ревизор.

Товарищ Абцуцкий даже обомлел.

— Да если уж на то пошло,—говорит,—так я сам себя на 50% сократил.

— Как так?

— А так, что день через день на службу прихожу. Вот как!

Думаете, благодарность ему за это вышла? Как же!.. Предложили товарищу Абцуцкому сократиться и на остальные 50%. Проще говоря: катись колбасой!

Нет, гражданин, мы еще очень бедны материальной культурой, чтобы такие реформисты у нас в почете были!..

Д. МАЛЛОРИ

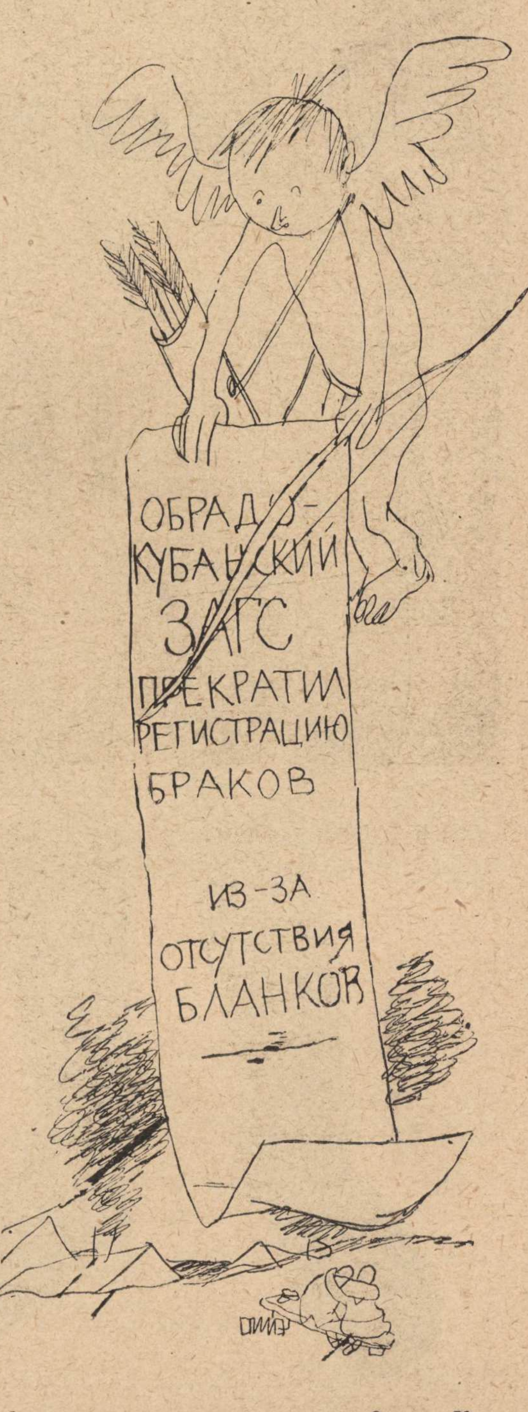
АМУР В... ...ЛАПОТОЧКАХ

Рис. М. Черемных

Что ж это Купидоныч не стреляет? Ведь они хотят любить друг друга!

См. рисунок—рядом.

А не стреляет он потому, что Отрадо-Кубанский ЗАГС прекратил регистрацию брака из-за отсутствия бланков..

ВРЕМЕНА МЕНЯЮТСЯ

Рис. А. Радакова

Сын предателя Чан-Кай-Ши, находящийся в Москве, поместил в газетах письмо, в котором проклинает своего отца.

МАНДАРИН (своему сыну):—Ты мне больше не сын: ты—революционер!

СЫН ЧАН-КАЙ-ШИ (своему отцу): — Ты мне больше не отец: ты—контрреволюционер!

СТОЛЯР

Ну хоть бы капельку,
Ну хоть бы даже столько,
Меня последующий
Тревожил день,
И я, как друг мой,
Рыжий слесарь Колька,
Струментиной скрипучей—
Трень да трень.

Что знаю я?
Ну знаю, я немножко,
Не философствует башка моя;
Я знаю: нужен стул,
А к стулу нужно ножку
И эту ножку
Должен сделать я.

А что по точке,
Дело мне знакомо.
Но не хвалю я
Стула моего,
Хотя, быть-может,
Рыков в Совнаркоме
Строгать Россию
Сядет на него.

Нас трое в мастерской,
Купающихся в стружках.
И каждому свое,
И каждый — над своим,
Точаю ножки я,
Сидение — Федюшка,
А спинку чешет
Дедушка Аким,

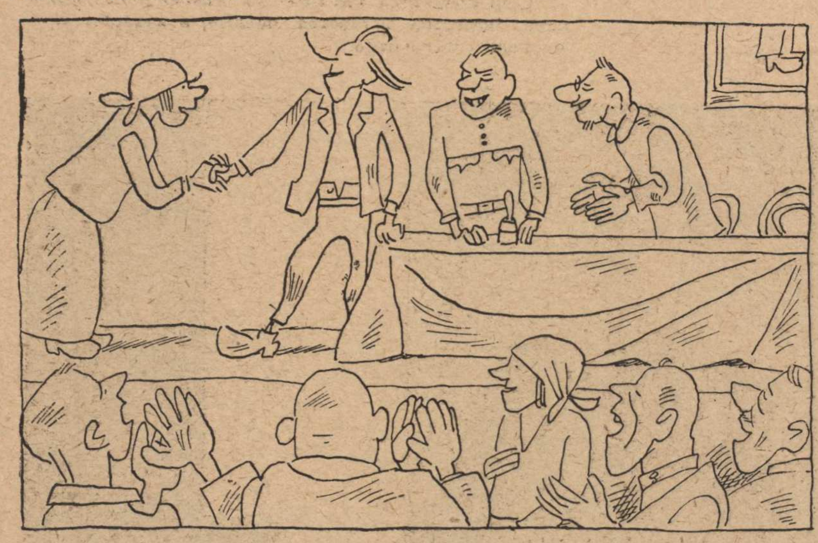
И кроют верстаки,
Играют крепким гулом,
У нас в руках
Такой же крепкий гул.
И каждый день
Мы делаем по стулу,
И с каждым днем
Все лучше новый стул.

Ну хоть бы капельку,
Ну хоть бы даже столько,
Меня последующий
Тревожил день.
И я, как друг мой,
Рыжий слесарь Колька,
Струментиной скрипучей —
Трень, да трень.

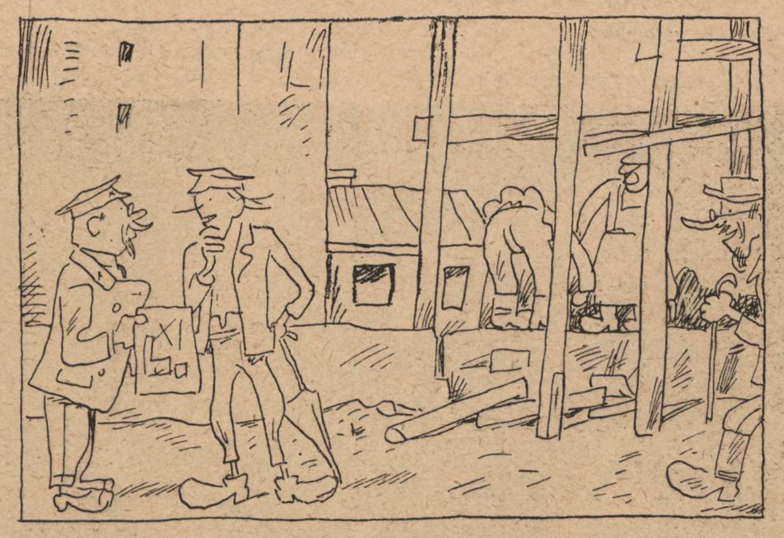
ИОСИФ УТКИН

ЕВЛАМПИЙ КАРПЫЧ НАДЬКИН И РОДСТВЕННИКИ

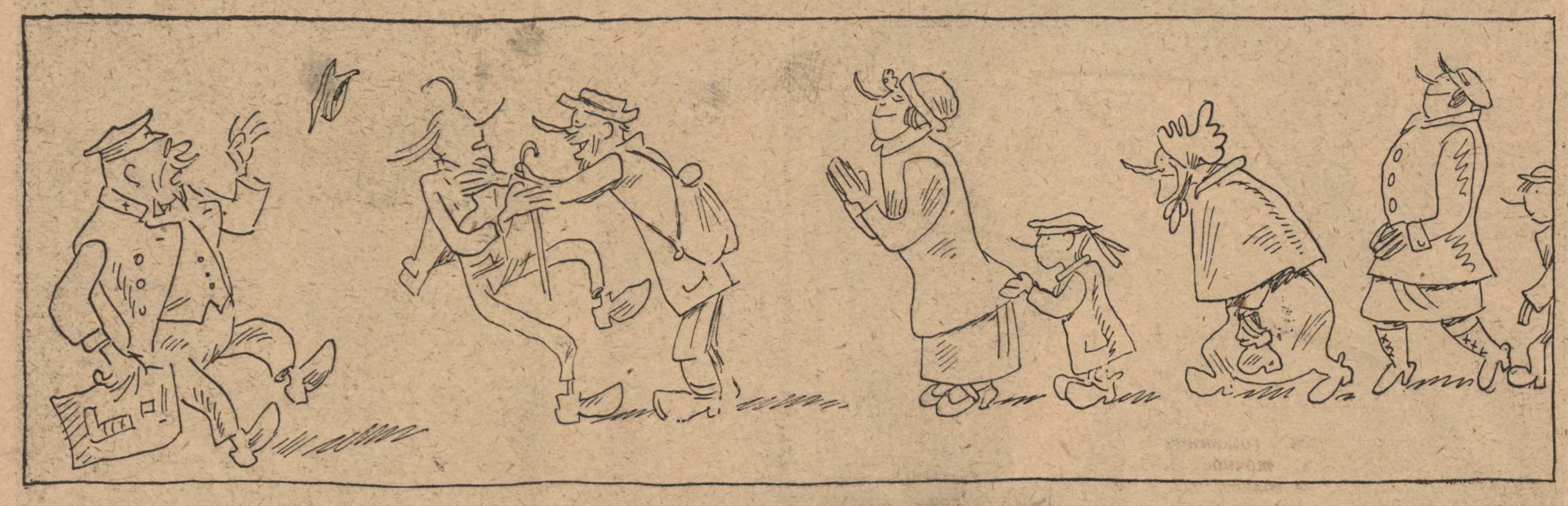
Рис. Б. Антоновского — *Текст Ив. Пруткова*

1. — Кто против? Воздержался?.. Нет.
„Единогласно Надькин — пред!“
И жилстроительный кооп
Восторженно в ладоши хлоп!

2. В Москве что может быть нужней
Домишки в девять этажей?!
Тепло, просторно и светло
Но враг уже замыслил зло...

3. Беги, Евлампий, иль умри:
Явился дядя из Твери...
За дядей — шурин из Тамбова,
Свояченица из Ростова,
Старушка бабушка из Пскова...
И все вопят: — „Евлаш! Здорово!
Голубчик! Милый!! Чародей!!!
Насчет квартирок порадей!“

4. Ответив всем любезно — „Да“, —
В душе он рявкнул: — „Никогда!“
И, дверь прикрывши на замок,
Готовит штуку под шумок.

5. Бледнея, дядя из Твери
Завыл испуганно: — „Смотри!
Сквернее не было историй —
Ведь дом-то этот — крематорий...
Ну, родственник! Ну, вертопрах!
Затеял нас изжарить в прах!..“

6. Скорей во Псков, в Тамбов, Ростов!..
А домик, между тем, готов,
И нет в нем Надькинской родни.
Весьма похвально в наши дни!

40 ЧЕЛОВЕК И 8 ЛОШАДЕЙ

Библейское сказание

И был день..,

И собрался под почерневшие своды одесской бродской синагоги молящийся народ...

И взошел на синогогальный амвон грозный раввин Бибергал, и раздался гневный глас бибергаловый:

— Приветствую вас, моя клиентура, и заявляю: так было—так будет: мы резали вас и будем резать!.

И огласились синагогальные своды плачем, и стенанием, и скрежетом зубовным...

И ничего подобного!

Угрозу кровожадного Бибергала „покрыли аплодисменты и перешли в бурную авацию“... Ибо было сие на диспуте: „Необходимо ли обрезание по законам иудейской веры“.

И торжествовал генеральный одесский „резничий“ Бибергал свою кровавую победу...

И некий муж, не ходивший на диспут нечестивых, задал загадку:

— Какая разница между православным попом и еврейским раввином?

И ответствовала ему смехачевская братия:

— Первый своих овец стрижет, а последний своих овец режет!

И было это в 1927 году, на десятом году революции...

И развивалась в этом году борьба с наступающим международным капиталом... И решались вопросы индустриализации... И бились за снижение цен.. И резали экономию...

А они—эти Бибергалы,—продолжали резать... чорт знает что!.. И вокруг этой оси вращались их языки, и устраивались диспуты с бурными овациями главному резничему...

Каждому—свое...

▼

Мариупольские бездельники...

Мариупольский окружной отдел охотников разослал „по периферии циркуляр“.

Предлагается вам (охотникам), вопервых, установить точное количество находящихся в округе волков, зайцев, лисиц и куропаток; второе, представить в срочном порядке сведения об их возрасте, состоянии их здоровья и половой принадлежности.

А почему, кстати, не воспользоваться случаем и не выяснить:

— Чем занималась куропатка до 1917 года и не была ли она, чорт ее возьми, придворной фрейлиной?

Видно, мариупольскому отделу охотников делать нечего...

Шлем ему, поэтому, с своей стороны циркуляр с срочным запросом:

— Сколько ворон в вашем округе?

Представляем себе, с каким увлечением займутся мариупольские циркуляристы своим любимым занятием:

— Ворон считать...

▼

Мертвое дело

Отец казанского рабочего Прохорова прослужил 38 лет на вахитовском заводе и умер.

Сын Прохорова явился в страхкассу за получением денег на похороны...

Страхкасса потребовала от сына Прохорова доверенность от отца на получение денег.

Сын Прохорова клялся, что хотя покойник и был при жизни грамотным, но сейчас, пребывая в гробу, не в состоянии даже крестика поставить, не только что доверенность подписать...

Страхкасса отказала в выдаче денег. Но покойник так и не выдал доверенности.

И какие они завсегда товарищи покойники упрямые!

Ему, покойнику, только доверенность подписать и на тебе денежки и отправляйся с миром в могилку!..

А он спит мертвым сном и хоть бы хны!..

И никакой у них сообразительности, у покойников—не то, что у работничков казанской страхкассы!

А, ведь, и от них мертвечиной пахнет!..

СУББОТА И ПОНЕДЕЛЬНИК

Рис. Б. Антоновского

В СУББОТУ. Отец и сын.

В ПОНЕДЕЛЬНИК. Сын и отец.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Челкар—Алексееву Ване, который нам пишет:

Посылаю на столбцы „Смехача“ следующий рассказ из Челкарской жизни: „Дядя, а дядя,—ты пойдешь сегодня в пивную“. Дядя усмехнулся: „А то что же!“.

Это, собственно, не рассказ, а героическая поэма... Нет, Ваня, — для „Смехача“ ваше произведение слишком громоздко. Пошлите его в какой-нибудь толстый журнал. Например, в прейс-курант Карнеева и Горшанова.

Харьков—Оле Лейкиной.

„Мери Пикфорд благоухала на экране своим ароматом“.

„В фойее (вероятно в фойэ?) *незнакомка благоухала на всех одеколоном“...*

„На улицах распускалась благоухающая черемуха и прочие растения и травы“...

Благоухни — раз, благоухни — два, но не до бесчувствия, с которым вы нам шлете пять плохих рассказов. Ведь это пахнет не только ответом в почтовом ящике, но и вызовом дезинфекторов. Не по карману нам ваши рассказы.

Издатель—„ГУДОК“. Отв. редактор—И. Н. Пирогов.

Главлит 87354. Москва. 5-я типо-литография «Мосполиграф», Мыльников п., 14. Тел. 4-88-39. Зак. 1510 Тираж 110.000 экз.

КАЖДЫЙ САМ СЕБЕ ОТДЕЛ УТИЛИЗАЦИИ, ИЛИ...

„Некоторые заводы посылают годовые отчеты даже комендантам своих домов“.

Из доклада тов. Лебедя.

Рис. К. Ротова

...СЕМЕЙНАЯ ПРОРАБОТКА ОТЧЕТА.